

ihrer Wirksamkeit dient nur dazu, ihre kulturgeschichtliche Bedeutung noch zu erhöhen.

Die Beschäftigung mit slavischer bes. russischer Geschichte ist bei uns in Deutschland leider noch eine äusserst geringe. Ich kann aus eigener Erfahrung sagen, dass es bei dem fast gänzlichen Mangel an Quellen und Hilfsmitteln, bei der Schwierigkeit, sie aus Russland zu beschaffen, bei den grossen Kosten, die das macht, eine sehr mühsame Arbeit ist. Es gehört grosse Liebe zu diesem Zweig der Wissenschaft dazu, um in der Arbeit nicht zu verzagen, durch die Schwierigkeiten sich nicht abschrecken zu lassen.

Wenn ich das zu meinem bescheidenen Anteil thue, so darf ich wohl auch den Anspruch erheben, nicht antislavischer Tendenzen beschuldigt zu werden.

Bonn 3 III/18 II 1902.

Leopold Karl Goetz.

Доклады по византиновѣдѣнію, сообщенные на засѣданіяхъ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ (15—27 августа 1902 г.).

Изъ докладовъ, сообщенныхъ въ засѣданіяхъ съѣзда и имѣющихъ отношеніе къ византийскимъ древностямъ, отмѣтимъ нижеслѣдующіе ¹⁾.

I. Н. И. Троицкаго «Древнѣйшій храмъ въ Херсонисѣ Таврическомъ, открытый при раскопкахъ въ настоящемъ году. Рефератъ посвященъ памяти Графа А. С. Уварова».

Референтъ предварилъ докладъ свой слѣдующими словами: «Въ наступившемъ 1902/3 академическомъ году исполняется 50 лѣтъ съ того времени, какъ знаменитый основатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и русскихъ археологическихъ съѣздовъ, гр. А. С. Уваровъ, предпринялъ первыя раскопки на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда высился людный, торговый, богатый городъ Тавриды—Херсонисъ. Привлеченный графомъ къ дѣлу изученія отечественныхъ древностей и находясь въ составѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества ровно 25 лѣтъ, референтъ сознаетъ свой нравственный долгъ почтить память графа именно на семъ съѣздѣ, въ этотъ юбилейный годъ его херсонисскихъ трудовъ, которые положили прекрасное начало научнымъ изысканіямъ въ Херсонисѣ. Но что было послѣ этого начала здѣсь?—Извѣстно, что дѣло раскопокъ тамъ остановилось: на смѣну научныхъ изслѣдованій явилось сначала пренебреженіе, а затѣмъ хищеніе. Прекрасный классическій мраморъ нагружали въ баркасы и отправляли его въ Севастополь. Куда? въ музей? въ частныя коллекціи?—нѣтъ—на содовую фабрику: вѣдь изъ мрамора получается химически-чистая углекислота. И не мраморъ только,—брали и сбывали все, что попало подъ

¹⁾ Мы пользуемся краткимъ изложеніемъ докладовъ, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» съѣзда.

руки, — кто что могъ и желалъ, днемъ или ночью. Такъ это было, и было бы доселѣ, если бы не былъ положенъ конецъ хищенію энергичной просьбой, мольбой, повергнутой къ стопамъ незабвеннаго нашего Государя, въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича, 1-го іюня 1887 года. Энергичное это слово взывало: «Повели, Государь, и древній Херсонисъ станетъ русской Помпеей, заинтересуетъ всю благомыслящую Россію, привлечетъ къ изученію своихъ древностей не только ученыхъ, но и путешественниковъ изъ Западной Европы». И эта мольба вызвала энергичную резолюцію Государя, который выразилъ желаніе съ радостью поддержать доброе дѣло, «спасти Херсонисъ, чтобы не прослыть варварами».

Были предприняты систематическія раскопки, цѣлый рядъ которыхъ открылъ нѣсколько церквей и трехскладочную стѣну города. Затѣмъ былъ открытъ громаднѣйшій некрополь. Раскопки, предпринятыя еще въ 1891 году, прекратились за недостаткомъ средствъ и снова возобновились въ мартѣ 1902 г. Въ Карантинской бухтѣ открыто основаніе храма съ двойными стѣнами. Вѣроятно, первый храмъ рухнулъ и былъ выстроенъ второй. Здѣсь интересны выемки, найденныя въ заперестольѣ. Но интереснѣе открытіе другого храма. Здѣсь обнаружена основа храма крестообразнаго съ равными концами. Восточный и южный концы креста соединены стѣнкой и абсидой. Есть данныя, чтобы судить, что эта постройка послѣдняго времени, сравнительно съ временемъ постройки самаго храма. Храмъ построенъ на могилахъ, соединенныхъ корридормъ, отъ котораго идутъ вѣтки. Въ корридорахъ гробницы — катакомбы. Въ нихъ найдены монеты, свѣтилики, кресты и проч. Херсонисъ явился такимъ образомъ не только русской Помпеей, но и русскимъ «подземнымъ Римомъ». Полъ храма заполненъ прекрасной мозаикой изъ желтаго, краснаго, чернаго (мѣтнаго) и бѣлаго (изъ классическихъ памятниковъ) мрамора. Какой давности храмъ? Въ цементѣ найдено нѣсколько монетъ VI вѣка (Юстиніана I), въ катакомбахъ найдены монеты только IV вѣка, почему постройку можно отнести къ V или концу IV вѣка. Фрески сохранились въ обрывкахъ, но съ греческой надписью изъ евангельскаго текста; встрѣчается и грузинская надпись. Мозаика ковровая съ исполненнымъ рисункомъ: ваза, изъ нея вѣтви вьющіяся и сплетающіяся; въ завиткахъ — птицы (орелъ, голубь, утка и проч.), рыбы, цвѣты, плоды и четырехконечные крестики. Что же здѣсь изображено? Это типъ «древа жизни». Докладчикъ представилъ далѣе очеркъ объ этомъ древѣ жизни на основаніи памятниковъ литературы и искусства. Что же касается мозаикъ, докладчикъ ничего не сообщилъ о нихъ. Судя по отзыву нѣкоторыхъ ученыхъ, видѣвшихъ мозаику, — послѣдняя V вѣка и имѣетъ ближайшую связь съ мозаикой усыпальницы Галлы Пластиды въ Равеннѣ.

II. А. С. Хаханова «Изъ путешествія по Аоону. О списокѣ грузинской Библии 987 г. и значеніи этого списка для установленія текста Библии на грузинскомъ языкѣ». Референтъ ѣздилъ на Аоонъ по порученію

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества для изученія грузинскихъ рукописей, хранящихся въ Иверскомъ монастырѣ, основанномъ грузинами въ IX в. Въ Иверѣ, среди другихъ манускриптовъ, имъ изученныхъ (Житіе Баграта Тавромонійскаго, соч. Евагрія, Апокрифы, Каноны), г. Хахановъ обратилъ вниманіе на списокъ Библіи 987 г., имѣющій важное значеніе для установленія текста св. писанія на грузинскомъ языкѣ. Сличивъ печатный текстъ грузинской библіи, напечатанной трижды (1743, 1884 и 1900 гг.), съ афонскимъ спискомъ, референтъ установилъ постепенное искаженіе грузинскаго библейскаго текста, опредѣлилъ особенности списка 987 г., заключающіяся въ томъ, что афонскій кодексъ отличается отъ греческаго библейскаго текста и хранитъ слѣды прежняго грузинскаго перевода, быть можетъ, съ сирскаго языка. Г. Хахановъ, на основаніи отмѣченныхъ имъ чертъ, высказалъ предположеніе, что кодексъ не есть первоначальный прототипъ грузинской библіи, а лишь копія съ него.

III. В. И. Саввы «Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества». Указавши на обиліе матеріала, заключающагося въ сборникѣ обрядовъ византійскаго двора, и на важность его изученія не только для византійской, но и для русской археологіи, докладчикъ очень подробно описалъ всю церемонію выхода византійскихъ императоровъ въ праздникъ Рождества; далѣе, путемъ подробнаго же сопоставленія съ византійскимъ обрядомъ выхода московскихъ царей, В. И. Савва пришелъ къ заключенію, что московскіе цари усваивали черты византійскихъ обрядовъ, но все таки сохранили при этомъ свою, московскую основу.

М. А. Остроумовъ указалъ на то, что византійская царская власть явилась отображеніемъ власти Божіей. Это выразилось во всей обрядности византійскаго двора: Хрисотриклинъ, напр., былъ устроенъ по образцу церкви св. Георгія; императору кланялись земно; можно идти даже дальше: можетъ быть, что и 9 чиновъ ангельскихъ послужили первообразомъ для девяти девяти чиновъ византійскаго двора. Идея о царѣ, какъ о Божьемъ намѣстникѣ, проникла въ Россію при великихъ князьяхъ. Явилась потребность облечь свою власть по образцу Византіи; тогда столовая, напр., палата была переименована въ золотую (хрисотриклинъ). Разница была не въ идеѣ, а въ скромности московскаго двора и другихъ національныхъ качествахъ.

Ю. А. Кулаковскій выразилъ мнѣніе, что византійскій императоръ являлся на землѣ продолжателемъ римскихъ императоровъ, власть которыхъ отождествлялась съ идеей божества; вліяніе христіанства не должно затемнить этой языческой струи.

М. А. Остроумовъ сказалъ, что при Граціанѣ эта языческая традиція была прервана; было признано неприличнымъ для императора надѣвать мантию понтифекса.

Н. И. Троицкій указалъ на то, что въ Византіи остались, пожалуй,

языческія формы, въ видѣ базиликъ и т. п., но въ нихъ былъ вложенъ новый, христіанскій смыслъ, и этого забывать нельзя.

Въ заключительномъ словѣ Ю. А. Кулаковскій выразилъ сожалѣніе о томъ, что очень часто затемняется языческая, римская преемственность въ культурной исторіи Византіи.

IV. М. А. Остроумова «Вопросъ о греческомъ оригиналѣ текста правилъ славянской Кормчей, или такъ наз. Синописи церковныхъ правилъ и его первоначальномъ значеніи».

Показавъ на примѣрѣ, что такое синописи (8 пр. VII Вс. соб.), референтъ сообщилъ, что синописи дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: Стефана Ефесскаго и Симеона Магистра, между которыми разница состоитъ въ неодинаковомъ расположеніи правилъ: у Стефана они расположены соотвѣтственно Фотіеву номоканону (XIV тит.), у Симеона—номоканону Схоластика (L тит.). Что соотвѣтствіе синописовъ номоканонамъ не случайно, доказывается рукописнымъ матеріаломъ: въ различныхъ древнихъ греческихъ сборникахъ синописи или предшествуетъ названному номоканонамъ, или слѣдуетъ за ними, иногда отдѣленный нѣсколькими статьями, но всегда такъ, что синописи редакціи Стефана сопровождаетъ номоканонъ XIV тит., а синописи редакціи Симеона—номоканонъ L тит. Когда въ сборникѣ помѣщаются оба номоканона, то и синописи встрѣчается въ обѣихъ редакціяхъ. Когда одинъ номоканонъ влияетъ на другой (Фотіевъ на номоканонъ Схоластика), тогда и въ синописи соотвѣтствующей редакціи оказываются измѣненія въ порядкѣ правилъ и дополненія. Однако, это не значитъ, что составитель синописа извлекаетъ свое изложеніе въ одномъ случаѣ изъ одного номоканона, а въ другомъ изъ другого: текстъ синописа въ обоихъ случаяхъ остается буквально тождественнымъ. Напротивъ, это показываетъ, что существующій текстъ примѣнялся къ числу и порядку правилъ названныхъ номоканоновъ. Стало быть, соотвѣтствіе синописа тому или другому номоканону было не случайнымъ, а съ другой стороны усматривается какъ будто не самостоятельное, а служебное значеніе синописа при номоканонѣ.

Какого же рода служебное значеніе онъ могъ имѣть?

Въ одной вѣнской рукописи (описанной Бонеромъ) содержится синописи церковныхъ правилъ, о которомъ проф. Красноженъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь помѣщены большею частью заглавія церковныхъ правилъ, а не синописи ихъ, что, быть можетъ, слѣдуетъ понимать такъ, что самый синописи является здѣсь въ видѣ заглавій. Въ Мюнхенской рукописи (описанной Гергенрѣтеромъ и Питрою), которая также была въ рукахъ и проф. Красножена, синописи несомнѣнно является въ видѣ указателя къ номоканону Фотія въ редакціи Θ. Веста, такъ какъ въ немъ имѣются цифровыя указанія, гдѣ найти соотвѣтствующее правило.

Какимъ образомъ такой указатель могъ получать самостоятельное значеніе, утративъ цифровыя указанія, можно прослѣдить на примѣрѣ,

впервые отмѣченномъ профессоромъ Павловымъ. Въ одной изъ редакцій синописа, истолк. А. Аристиномъ, есть статья «Св. Василія о времени согрѣшающихъ», которая сначала имѣла заглавіе «Василія Великаго о титулѣ и времени согрѣшающихъ», представлявшая цифровыя цитаты съ ссылкой на титулы, въ какихъ искать соотвѣтствующія покаянныя правила Св. Василія, вслѣдствіе же утраты этихъ цитатъ превратившаяся въ синописъ. Итакъ синописъ могъ возникнуть изъ указателя. Но какимъ образомъ произошелъ текстъ синописа?

Референтъ заявилъ, что вѣроятно онъ произошелъ изъ текста заглавій къ правиламъ, каковыя начали появляться еще со времени Халкидонскаго собора (451 г.). Сравненіе текста заглавій съ текстомъ синописа даетъ основаніе для такого заключенія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заглавія правилъ (Апост., Лаодик., Халкид. VII всел.) буквально совпадаютъ съ текстомъ синописа, въ другихъ синописъ представляетъ ихъ дополненіе, въ третьихъ — преобразование. Примѣръ такого превращенія текста заглавій правилъ въ самостоятельныя правила въ сокращенномъ изложеніи представляютъ правила Лаодикійскаго собора, которыя, какъ указалъ еще въ 1888 г. на международномъ католическомъ конгрессѣ въ Парижѣ проф. канон. права аббатъ Boudinhon, — по своей грамматической конструкціи всѣ суть заглавія. Впрочемъ, по мнѣнію референта, текстъ такъ наз. 60-го правила заключаетъ въ себѣ сохранившійся подлинный текстъ постановленій Лаодикійскаго собора (59 его правила).

Такимъ образомъ, по заключенію референта, оказывается, что текстъ церковныхъ правилъ, вошедшій въ нашу славянскую кормчую (перенесенную къ намъ изъ Болгаріи въ переводѣ Св. Саввы Сербскаго) имѣетъ своимъ греческимъ оригиналомъ переработку заглавій церковныхъ правилъ въ синописѣ церковныхъ правилъ.

Проф. М. С. Дриновъ спросилъ: не было ли славянскихъ переводовъ синописа Симеона Логовета, сдѣланныхъ раньше перевода кормчей? Референтъ отвѣтилъ, что ему такіе переводы неизвѣстны. Какія же правила до этого времени были въ употребленіи? продолжалъ проф. Дриновъ. Референтъ отвѣтилъ: полный текстъ правилъ въ номоканонѣ Схоластика (въ переводѣ, какъ полагаютъ, св. Меодія — просвѣтителя славянъ) и въ номоканонѣ Фотія (въ такъ наз. до-фотіевской редакціи), переведенныхъ, по предположенію проф. Павлова, у насъ при Ярославѣ.

Д. И. Иловайскій спросилъ: сохранился ли полный текстъ правилъ Лаодикійскаго собора? Референтъ отвѣтилъ, что этотъ текстъ въ древнія времена потерянь, за исключеніемъ 60 (59) правила.

В. А. П. Голубцова: О «мѣрѣ среди церкви» въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца. Сказавъ въ немногихъ словахъ о видѣ и символическомъ значеніи архіерейскаго орлеца, референтъ задался вопросомъ исторически объяснить происхожденіе послѣдняго. Для этого онъ обратилъ вниманіе прежде всего на убранство тѣхъ мѣстъ храмоваго помоста, на которыя въ старину, какъ и теперь, чаще всего полагался

орлець при служеніи, и нашель, что средина пола и солен въ храмахъ древне-христіанскихъ, византійскихъ, древне-русскихъ и современныхъ греческихъ была отличасма строителемъ то особаго вида и цвѣта цѣльной мраморной плитой, то какою-либо, предпочтительно круглой, геометрическою фигурой, исполненной мозаикой. Эти разноцвѣтныя плиты и круги, латинянами и греками, какъ и до сихъ поръ на востокѣ, различно называемые (rotae, umbilici, billici, circuli porphyretici, ὀμφάλος, πορφυροῦν ὀμφάλιον, κύκλος, ἀετός) въ XVI — XVII вѣкахъ слыли у нашихъ предковъ подъ именемъ «мѣры среди церкви», каковымъ названіемъ опредѣлялось какъ положеніе, такъ отчасти и ихъ назначеніе. Являясь главной, доминирующей фигурой въ украшеніи цѣлаго пола и удовлетворяя такимъ образомъ орнаментальнымъ цѣлямъ, древне-византійскій омфалій и наша «мѣра среди церкви» въ тоже время служили мѣстомъ остановокъ священнослужащихъ, мѣстомъ поставленія или возложенія священныхъ предметовъ и между прочимъ орлеца. Полагаемый у насъ довольно часто среди пола, солен и предъ св. престоломъ, орель не употребителенъ при обычномъ архіерейскомъ служеніи на востокѣ, но за то съ давнихъ поръ его изображаютъ тамъ среди пола на омфаліи и даже называютъ послѣдній словомъ: ἀετός, орель. Для объясненія того пути, какимъ орель — символъ верховной свѣтской власти — могъ стать одною изъ архіерейскихъ инсигній и появиться даже на омфаліи, референтъ указалъ, что орлы, украшавшіе царскій костюмъ и т. д., въ XIII — XIV вв. принадлежали къ числу отличій церемоніальныхъ одеждъ высшихъ сановниковъ имперіи — деспотовъ и севастократоровъ. Путемъ царскаго пожалованія, въ видѣ награды, орлы могли перейти сначала къ патріархамъ — духовнымъ владыкамъ, приравнивавшимся къ свѣтскимъ деспотамъ, а отъ нихъ, со временемъ, и ко всемъ другимъ епископамъ. Отмѣтивъ факты перехода нѣкоторыхъ частей византійскаго царскаго костюма и между ними обуви съ орлами въ патріаршее облаченіе, референтъ обратился затѣмъ къ выясненію того, что могло способствовать помѣщенію орла на омфаліи. Идущій изъ глубокой первохристіанской древности обычай помѣщать въ центрѣ пола частью по подражанію классической древности, частью изъ противодѣйствія ей, ся ученію о священныхъ омфалосахъ, какое-либо символическое изображеніе, могъ содѣйствовать появленію орла на омфаліи. Чертившійся сначала мѣломъ или красками на полу при епископскомъ поставленіи, орель началъ изображаться потомъ мозаикой на помостѣ въ омфаліи, набиваться или вышиваться шерстью и шелкомъ на кругломъ кускѣ матеріи. Церковной символикой византійскій двухглавый орель былъ въ концѣ концовъ видоизмѣненъ, переработанъ на основѣ библейскихъ представленій и вошелъ въ качествѣ главнаго составнаго элемента въ сложную символическую картину, которую на востокѣ до сихъ поръ продолжаютъ изображать на хартіи или помостѣ и которая у насъ однажды навсегда закрѣплена въ такъ называемыхъ орлецахъ.

Хорошо и легко было бы, закончилъ референтъ, строителямъ нашихъ новыхъ храмовъ, начавшихъ все чаще и чаще украшаться мозаическими полами, возстановить древне-русскую «мѣру среди церкви» или византійскій цвѣтной кругъ; народъ не сталъ бы занимать этого мѣста въ тѣ моменты службы, когда приходится становиться на немъ священнослужащимъ или износить на средину храма тотъ или другой священный предметъ; уменьшилось бы вмѣстѣ съ этимъ и смятеніе, почти каждый разъ вызываемое постилаіемъ на самомъ богослуженіи обычныхъ ковровъ среди церкви.

VI. Проф. В. З. Завитневича «О культурномъ вліяніи Византіи на быть русскихъ Славянъ курганнаго періода».

Референтъ остановился на находкахъ предметовъ изъ раскопокъ Херсониса Таврическаго и нашихъ кургановъ.

Сравненіе этихъ предметовъ даетъ во многихъ случаяхъ полную аналогію. Таковы, напр., слѣдующіе предметы: разнаго рода серебряныя кольца, металлическіе и стеклянные браслеты, перстни, бусы, пряжки, парча и шелковыя ткани; приготовленіе свѣчей также заимствовано изъ Византіи. Посуда, однако, показываетъ, что у славянъ она выработалась самостоятельно; только лишь плоскія миски одинаковы съ Херсонесскими.

Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что даже въ такую отдаленную эпоху, какъ курганная, существовали торговыя сношенія между группами восточныхъ славянъ и Византіей. Сношенія эти имѣли результатомъ вліяніе византійское на славянъ.

Болѣе точные выводы будутъ возможны при сравнительномъ изданіи, какъ тѣхъ, такъ и другихъ памятниковъ.

По поводу прочитаннаго доклада Н. Ѳ. Бѣляшевскій высказалъ предположеніе о существованіи въ Херсонесѣ русской торговой колоніи.

VII. Д. В. Айдалова «Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царьградѣ». Въ нашей Начальной лѣтописи о путешествіи св. княгини Ольги и о приѣмѣ, оказанномъ ей императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ, говорится очень кратко. Данныя же устава обрядовъ дворца Константина даютъ возможность нарисовать вѣрную картину этого приѣма. Въ уставѣ помѣщено то, что записано очевидцемъ, записано имъ точно, чтобы потомъ пользоваться этой записью при подобныхъ приѣмахъ; записи устава до сихъ поръ еще мало разработаны нашей исторической наукой. Св. княгиня Ольга явилась къ императору Константину не только подъ именемъ «княгини», но въ уставѣ записано, что явилась «княгиня русская игегемонъ (правительница)». Княгиня вошла въ залъ сама (другіе входили, опираясь на евнуховъ), она не падала ницъ (другіе падали три раза). Императоръ при приѣмѣ сидѣлъ на тронѣ Соломона, который представлялъ собою художественное произведеніе древняго ювелирнаго искусства. Этотъ тронъ былъ золотой съ пятью ступенями изъ зеленого порфира. Въ немъ заключался механизмъ, благодаря которому тронъ могъ подниматься до потолка. Когда представлявшійся императору какой-

нибудь иноземный посолъ падалъ ницъ и потомъ вставалъ, онъ съ изумленіемъ видѣлъ тронъ висящимъ въ воздухѣ; послѣ второго поклона посолъ видѣлъ тронъ поднявшимся еще выше и т. д. На спинкѣ трона помѣщались золотыя птицы, которыя могли пѣть; по сторонамъ трона стояли два золотыхъ льва (какъ-бы стража), которые подымались на лапы и рычали; на ступеняхъ трона находились различные звѣри, которые тоже подымались на лапы, рычали и выли; передъ трономъ стояли золотыя деревья, на которыхъ сидѣли золотыя птицы. Императоръ «по обычаю» спросилъ черезъ переводчика о здоровьѣ княгини; княгиня, въ свою очередь, спросила о здоровьѣ императора, его супруги и семьи. Послѣ этихъ привѣтствій, золотыя львы и другіе звѣри подыались на лапы и зарычали, птицы зашевелились и запѣли, органы заиграли. Передъ уходомъ императора, евнухи и чины двора обнесли передъ присутствовавшими подарки, привезенные княгинею. Когда императоръ уходилъ, то вновь повторилось рычаніе звѣрей, пѣніе птицъ и проч., — такой уставной обрядъ назывался «катавасія». Затѣмъ св. княгиня Ольга была принята императрицей, и третій официальный пріемъ ей былъ сдѣланъ въ покояхъ императрицы, куда явились и багрянородныя дѣти, причемъ княгиня говорила съ императоромъ «о чемъ хотѣла». Въ тотъ же день состоялся обѣдъ; княгиня съ женской свитой обѣдала въ покояхъ императрицы. При входѣ послѣдней она «только слегка наклонила голову», за что впоследствии получила эпитетъ «гордой». За обѣдомъ пѣли «царскія» пѣсни, происходили представленія акробатовъ, шутовъ и другія зрѣлища. Послѣ обѣда состоялся десертъ, во время котораго княгинѣ было поднесено золотое блюдо и дары, а ея свитѣ — денежные подарки. Въ покояхъ царя также происходилъ «почестной пиръ» для мужской свиты княгини. Вторично св. Ольга была принята во дворцѣ черезъ мѣсяць.

VII. Проф. Ю. А. Кулаковскаго «Византійскій лагерь X вѣка». Референтъ познакомилъ собраніе съ недавно открытымъ византійскимъ литературнымъ памятникомъ, относящимся, по его мнѣнію, къ концу X вѣка и дающимъ между прочимъ понятіе объ устройствѣ византійскаго военнаго лагеря. Проф. Ю. А. Кулаковскій обстоятельно изложилъ данныя этого памятника, касающіяся расположенія войскъ въ лагерѣ, формы и величины послѣдняго, способа его охраны, иллюстрируя свое изложеніе рисункомъ на доскѣ.

Нормальная численность пѣхоты, на которую разсчитана схема лагеря въ данномъ памятникѣ, — 16 тысячъ. Каждая тысяча, представляющая собою строевую единицу подъ именемъ таксіархіи, собрана изъ 500 тяжеловооруженныхъ, 200 копейщиковъ и 300 стрѣлковъ изъ лука. Форма и размѣры лагеря разсчитаны по численности тяжеловооруженныхъ. При 16 таксіархіяхъ пѣхоты въ дѣйствующей арміи тяжеловооруженныхъ оказывается 8 тысячъ. Они дѣлятся на четыре части, по 2 тысячи, и, становясь въ линію по два человѣка на одну

сажень, образуютъ квадратъ по одной тысячѣ саженей въ каждой сторонѣ. Это и есть нормальной видъ лагеря. Выборъ мѣста лежалъ на обязанности специалиста, который назывался министраторъ. Выбравъ заранѣе мѣсто, онъ утверждалъ царскій штандартъ и отъ этого мѣста отмѣривалъ по 500 саженей на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Когда армія являлась на это мѣсто, то вытягивающаяся по намѣченнымъ линіямъ пѣхота приступала къ рытью вала, въ 8 или 7 футовъ глубиною и въ 6 или 5 футовъ шириною. Земля изъ рва выбрасывалась внутрь лагеря. Съ каждой стороны лагеря устраивалась по три мѣста для входа и выхода по 8 саж. шириною. Вдоль всего лагеря, внутри отведеннаго для него пространства, отдѣлялась полоса въ 50 саженей шириною: 22 сажени отводилась на такъ наз. «пустое мѣсто» въ видахъ безопасности отъ случайныхъ выстрѣловъ съ стороны непріятеля; слѣдующая полоса въ 22 сажени предназначалась для палатокъ пѣхоты, и полоса въ 6 саженей отводится подъ дорогу, которая, такимъ образомъ, идетъ вдоль всѣхъ сторонъ лагеря и отдѣляетъ палатки пѣхоты отъ площади, отведенной для конницы, которую эта пѣхота охраняетъ. Внутреннее пространство, за вычетомъ 50 саженей со всѣхъ сторонъ, имѣетъ въ обоихъ направленіяхъ по 900 саж. Середина этой площади, по 300 саж. въ обоихъ измѣреніяхъ, отводилась подъ «царскій лагерь». Центръ его занимала царская палатка (*χόρτη*), вокругъ которой долженъ былъ оставаться свободнымъ достаточно просторный плацъ. Отъ этой площади прямо къ востоку шла дорога до входа въ серединѣ восточной границы лагеря. На пространствѣ царскаго лагеря размѣщались главные чины, сопровождающіе царя въ походѣ, многочисленная челядь и спеціальныя гвардейскіе отряды, этеріи и безсмертныя.

За предѣлами царскаго лагеря, въ направленіи четырехъ странъ свѣта, занимали мѣсто прочіе отдѣлы конницы, простираясь до линіи палатокъ пѣхоты; вслѣдствіе такого устройства внутри лагеря получалось крестообразное расположеніе войскъ. Мѣста, занятые отдѣльными частями войскъ, отдѣлялись другъ отъ друга дорогами. Референтъ далъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ вала, постановкѣ триволовъ и объ организаціи охраны лагеря. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своего устройства византійскій лагерь оставался вѣрнѣе старой римской традиціи, въ нѣкоторыхъ представляетъ извѣстное развитіе и видоизмѣненіе. Въ заключеніе, референтъ указалъ, что для насъ, русскихъ, не безынтересно военное устройство Византіи, между прочимъ потому, что въ числѣ гвардейскихъ отрядовъ, сопровождавшихъ императора, былъ и отрядъ, состоявшій изъ нашихъ предковъ (*ῥῶς*).

Проф. А. И. Маркевичъ просилъ референта объяснить, какимъ образомъ такой, сравнительно небольшой отрядъ войска занималъ столь громадное пространство, а именно 4000 десятинъ земли, тогда какъ, напр., въ наше время, для войскъ, вдвое большихъ по численности, съ артиллеріей, требующей, какъ извѣстно, большихъ пространствъ, отво-

дится едва только десятая часть этого пространства, какое, согласно докладу, занималъ византійскій лагерь?

Докладчикъ заявилъ, что этотъ вопросъ дѣйствительно не вполне ясенъ; быть можетъ дальнѣйшія изслѣдованія уяснятъ дѣло.

IX. Проф. Д. В. Айналова «Даръ великой княгини Ольги въ ризницу церкви Св. Софіи въ Царьградѣ».

Извѣстный паломникъ, въ послѣдствіи новгородскій архіепископъ Антоній, XII в., оставилъ извѣстіе объ одномъ замѣчательномъ предметѣ, который онъ видѣлъ въ скевофилакѣ великой церкви: это блюдо, которое Св. Ольга принесла въ даръ Св. Софіи, большое, золотое съ драгоценными украшеніями и изображеніемъ Иисуса Христа. Извѣстіе это съ вариантами (въ шести редакціяхъ) издано Х. М. Лопаревымъ. Изъ сопоставленія разныхъ редакцій референтъ вывелъ заключеніе, что сообщеніе о дарѣ Св. Ольги въ существѣ своемъ не можетъ быть заподозрѣно.— Издатель упомянутыхъ извѣстій о дарѣ Св. Ольги даетъ такой отвѣтъ на вопросъ, что это за блюдо? Это, говоритъ г. Лопаревъ, блюдо, которое Ольга получила въ даръ послѣ крещенія, съ 500 золотыхъ монетъ, и принесла его съ своей стороны въ ризницу Св. Софіи. Сопоставляя такое объясненіе съ показаніями византійскихъ источниковъ, референтъ отмѣтилъ, что Ольга получила не блюдо, а чашу, — между тѣмъ Антоній ясно говоритъ о богослужебномъ блюдѣ. И ошибиться въ назначеніи блюда нашъ паломникъ не могъ, такъ какъ упоминая о другихъ богослужебныхъ сосудахъ, которые износятся на всякую недѣлю и на Господскіе праздники изъ состава ризницы Св. Софіи, онъ несомнѣнно зналъ существовавшую въ то время терминологию и къ тому же ссылается на имѣвшееся на сосудѣ изображеніе, что терминологія «богослужебнаго» сосуда для ранней поры христіанства въ Россіи совершенно ясна.

Разъяснивъ, затѣмъ, какія драгоценныя украшенія могли быть дѣйствительно на сосудѣ Ольги, референтъ подробно остановился на вопросѣ объ изображеніи на сосудѣ Иисуса Христа, въ связи съ упоминаніемъ Антонія о печатяхъ, какія получали паломники. По заключенію референта, такими печатями могли быть оттиски съ изображенія Иисуса Христа. Такъ какъ сосудъ изъ скевофилакѣ исчезъ (нѣкоторые паломники не говорятъ о немъ, что они его видѣли, а что онъ былъ), то проф. Айналовъ обратился къ аналогіямъ и указалъ на старинное византійское каменное блюдо (34 сант. въ діаметрѣ) въ церкви Св. Марка, съ греческой надписью «примите, ядите» и съ медальономъ на днищѣ, изображающемъ Иисуса Христа, и пришелъ къ выводу, что Св. Ольга, уже будучи христіанкой, подарила въ ризницу Св. Софіи дискосъ, и напомнивъ о многократныхъ измѣненіяхъ состава названной ризницы отъ хищеній, пожаровъ и разнообразныхъ случайностей, выразилъ предположеніе, что могъ быть подаренъ и потиръ, который, однако, исчезъ ранѣе паломничества Антонія.

Проф. Н. И. Петровъ по поводу этого доклада сообщилъ, что въ

30 годахъ прошлаго вѣка въ Кіевѣ при раскопкахъ у Срѣтенской церкви (на углу Маловладиміровской и Житомирской улицъ) найдена была чаша съ надписью: «пійте нея отъ вси...», а года 2, 3 назадъ тамъ же найдено и малое блюдо съ надписью: «пріймите и ядите».... Раскопанная старинная кладка на этомъ мѣстѣ имѣетъ кирпичи домонгольскаго періода.

Х. Проф. Д. В. Айналова «Мраморы и инкрустаціи Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго Собора». Докладъ представляетъ результатъ научныхъ изысканій проф. Айналова въ области церковной архитектуры г. Кіева. Референтъ указалъ, что древности Кіева вообще еще мало изучены. Только драгоцѣннымъ кладкамъ болѣе посчастливилось, такъ какъ они лучше изслѣдованы въ научномъ отношеніи. Менѣе всего изучена Кіевская церковная архитектура, особенно же отдѣльныя части ея, какъ облицовки стѣнъ и половъ разноцвѣтными мраморами и инкрустаціями. Между тѣмъ изученіе памятниковъ подобнаго рода весьма важно: украшеніе половъ и стѣнъ разноцвѣтными мраморами и инкрустаціями вызывалось не только религіознымъ чувствомъ, но и чисто художественными потребностями. Къ сожалѣнію, въ Десятинной церкви сохранилось мало образцовъ облицовокъ стѣнъ и половъ, при чемъ часть ихъ употреблена при реставраціи церкви, остальные же хранятся въ особомъ шкафѣ, въ алтарѣ. Проанализировавъ сохранившіеся предметы этого рода, референтъ указалъ, что инкрустаціи Десятинной церкви выполнены тонкимъ мастерствомъ и могутъ быть отнесены къ произведеніямъ X в. Съ другой стороны, онъ отмѣтилъ одну изъ мраморныхъ плитъ, сохранившихся въ Десятинной церкви, и указалъ, что въ ней замѣтно округленіе рельефа, и вообще работа ея много лучше работы извѣстной Ярославской гробницы. Разсмотрѣвъ детально полъ церкви, сдѣланный изъ плитъ мрамора и краснаго шифера, референтъ остановился на извѣстной надписи, вдѣланной въ верхней части восточной стѣны, причемъ указалъ на нѣкоторыя особенности ея, какъ спутанность буквъ и отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вообще, изучивъ эту надпись, референтъ пришелъ къ выводамъ, нѣсколько отличнымъ отъ мнѣній предшествующихъ изслѣдователей даннаго вопроса. Въ заключеніе референтъ заявилъ, что, несмотря на немногочисленность облицовокъ стѣнъ и половъ Десятинной церкви, сохранившихся до настоящаго времени, все-таки о нихъ можно сдѣлать кое-какіе выводы. Переходя къ обзорѣ облицовокъ стѣнъ и половъ Кіево-Софійскаго Собора, референтъ отмѣтилъ, что соборъ не богаче Десятинной церкви памятниками подобнаго рода. Между тѣмъ діаконъ Павелъ Алеппскій удивился разнообразію мраморовъ, украшавшихъ стѣны и полы Кіево-Софійскаго собора. Не менѣе великоцѣннымъ показался соборъ католическому бискупу Верещинскому въ 1595 г., а въ слѣдующемъ году Гейденштейнъ, описавъ соборъ, призналъ зданіе прекраснымъ, хотя и отмѣтилъ, что въ его время оно находилось въ полномъ запустѣніи. Анализъ этихъ извѣстій заставилъ референта заключить, что соборъ былъ облицованъ мраморомъ на подобіе собора Св. Марка въ

Венеціи, а также имѣлъ портикъ съ колоннами изъ мрамора, порфира и алебастра. Впослѣдствіи соборъ былъ ограбленъ уніатами, и украшенія его перенесены въ другіе храмы. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые остатки облицовокъ стѣнъ и половъ собора еще уцѣлѣли, и референтъ детально анализируетъ ихъ, при чемъ ему удается возстановить нѣкоторые подробности въ архитектурѣ Кіево-Софійскаго собора, не сохранившіяся въ настоящее время, напр., мраморныя облицовки 2 дверей (есть и половина третьей), алтарную преграду и т. д. При этомъ на облицовки стѣнъ и половъ собора употребляли 2 сорта мрамора, что замѣтилъ уже діаконъ Павелъ Алеппскій, указавшій также на его происхожденіе съ о-ва Мрамары. Дѣйствительно, ломки мрамора существовали на упомянутомъ островѣ въ эпоху постройки Кіево-Софійскаго собора, что устанавливается точно на основаніи византійскихъ извѣстій. Да въ древней Руси мраморныя издѣлія и не представляли рѣдкости: имѣется много извѣстій о погребеніи князей въ мраморныхъ гробницахъ, а въ самомъ Кіевѣ сохранилось до настоящаго времени 2 мраморныхъ саркофага. На основаніи всего выше сказаннаго референтъ приходитъ къ заключенію, что изученіе этихъ побочныхъ отраслей архитектуры представляетъ особенную важность наряду съ мозаиками и фресками и расширяетъ наши представленія относительно Кіевского періода древне-русскаго искусства.

По поводу реферата проф. Н. И. Петровъ сообщилъ, что колонны, взятыя уніатами изъ Кіево-Софійскаго Собора, повидимому, сохранились: въ оградѣ Братскаго монастыря найдена часть колонны, кажется, сѣрвататаго цвѣта, которая происходитъ, весьма возможно, изъ Кіево-Софійскаго собора.

XI. М. С. Дринова. О древнемъ перковно-славянскомъ памятникѣ «Видѣніе Пророка Исаи о послѣднемъ времени». По мнѣнію докладчика, это видѣніе отличается отъ другихъ видѣній подобнаго рода тѣмъ, что историческая часть его приурочена къ византійско-русскимъ и византійско-болгарскимъ событіямъ конца X и первой половины XI вѣка. Здѣсь, по толкованіямъ проф. Дринова, есть указаніе на русскаго князя Владиміра съ византійской царевной Анной и на то, что этотъ фактъ способствовалъ распространенію христіанства среди русскихъ; здѣсь же указано на продолжительныя и кровопролитныя войны императора Василя съ его внутренними и особенно внѣшними врагами (болгарами). Отношеніе автора видѣнія къ сближенію Византіи съ русскими несочувственное, въ немъ онъ усматриваетъ призракъ приближающагося конца міра. Далѣе авторъ видѣнія останавливается на вторженіи печенѣговъ въ Византію, начавшемся вскорѣ по смерти императора Василя, и отождествляетъ печенѣговъ съ тѣми «нечистыми народами», которые, по апокрифическимъ апокалипсисамъ, должны предшествовать появленію антихриста. Разобранный проф. Дриновымъ памятникъ пока извѣстенъ въ 2 очень не-исправныхъ спискахъ, что мѣшаетъ точному опредѣленію времени и мѣста его появленія.

Докладчикъ, однако, предполагаетъ, что онъ появился въ половинѣ XI вѣка въ Византіи или въ Болгаріи.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе профессора В. Н. Мочульскій, А. А. Кочубинскій, М. А. Остроумовъ, А. Н. Ясинскій и др. лица.

Пренія закончились общимъ пожеланіемъ скорѣйшаго и болѣе детальнаго изученія этого интереснаго памятника.

XII. М. Г. Халанскаго «Южно-Славянскія пѣсни о смерти Марка Краевича». Докладчикъ представилъ обзоръ всѣхъ извѣстныхъ ему эпическихъ мотивовъ въ юго-славянской народной поэзіи, приуроченныхъ къ смерти Краевича Марка, послѣдовавшей 10 октября 1394 г. «на Ровинахъ» въ Румыніи. Съ большой подробностью онъ остановился на трехъ мотивахъ:

а) На мотивъ былинъ о гибели богатырей, излагаемой южно-славянскими пѣснями сходно съ русскими былинами. Эти сказанія, по мнѣнію докладчика, стоятъ въ тѣсной связи съ книжными повѣстями о паденіи Царьграда. Площадь предъ церковью Св. Софіи, на которой палъ императоръ Константинъ, измѣнилась въ болгарскихъ преданіяхъ, приуроченныхъ къ эпохѣ паденія болгарскаго царства и къ городу Самокову, въ поле Софійское, а въ русскихъ былинахъ — въ Сафу, Салфу или Сафатъ рѣку.

б) Второй эпическій мотивъ, рассмотрѣнный докладчикомъ, приуроченъ къ Голешъ-Планинѣ и сходенъ съ малорусской думой о смерти Ѳедора Безроднаго и шотландскими пѣснями о воронахъ, изложенныхъ Пушкинымъ въ стихотвореніи «Воронъ».

с) Третій мотивъ, особенно подробно рассмотрѣнный докладчикомъ — содержится въ пѣснѣ о смерти Марка на урвинъ-планинѣ. Эта пѣсня близко сходна съ рассказомъ пѣсни о Роландѣ, о смерти Роланда. Сославшись на установленное тождество эпического стиха юго-славянъ съ эпическимъ стихомъ романскихъ народовъ, на отмѣченный фактъ распространенія поэтическихъ сюжетовъ съ романскаго запада на славянскомъ и греческомъ востокѣ и между прочимъ сюжетовъ Карлова и Роландова цикла и на движеніе профессиональных пѣвцовъ романскихъ на Балканскій полуостровъ, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, М. Г. Халанскій высказалъ предположеніе, что южно-славянская пѣсня о смерти Марка на урвинъ-горѣ излагаетъ поэтическій сюжетъ западно-европейскаго романскаго эпоса, сюжетъ небольшой кантилены, которая предполагается соотвѣтствующимъ мѣстомъ пѣсни о Роландѣ. По мнѣнію докладчика, южно-славянскій эпосъ въ содержаніи и формѣ сохранилъ тотъ видъ простыхъ небольшихъ сравнительно пѣсенъ, которыя предполагаются такими большими поэмами, какъ Нибелунги, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ своеобразный, т. е. поэтическій архивъ для исторіи западно-европейской поэзіи.

Л. Г. Лопатинскій указалъ на параллель къ пѣснѣ о смерти Марка

Кралевица въ одной черкесской пѣснѣ (Сборникъ матеріаловъ о Кавказѣ XII в.).

А. А. Кочубинскій сказалъ, что путемъ простаго сближенія, безъ строгой установки промежуточныхъ звеньевъ, нельзя говорить о вліяніи. Съ этимъ вполне согласился и М. Г. Халанскій.

М. С. Дриновъ указалъ на одно историческое свидѣтельство относительно пребыванія Марка въ адрианопольской тюрьмѣ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ урвинъ-планинѣ, которую нельзя смѣшивать съ Периномъ.

XIII. Проф. М. С. Дринова «Объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XIV вѣка». Въ этомъ сборникѣ находится извѣстный Синодикъ царя Бориса, обнародованный недавно М. Г. Попруженкомъ. Докладчикъ различаетъ въ этомъ сборникѣ два сборника, отличающіеся одинъ отъ другого и почеркомъ и качествомъ бумаги и писанныхъ несомнѣнно въ разное время. Часть, содержащая синодикъ, писана несомнѣнно позже, такъ какъ въ ней провозглашается вѣчная память царю Иоанну Шишману и патриарху Евфимію, которымъ въ другой части поется многія лѣта.

XIV. Проф. А. И. Кирпичникова «Аѳинскій Великій Синаксарь, какъ важный археологическій источникъ».

Референтъ познакомилъ собраніе съ новымъ греческимъ (аѳинскимъ) изданіемъ сборника житій святыхъ, подъ заглавіемъ: Яшма умтвеннаго рая или великое собраніе житій всѣхъ святыхъ на (каждый) день празднуемыхъ, собранныхъ и изданныхъ, на счетъ Константина Дунаки (поклонника).

Отмѣтивъ старозавѣтное-благочестивое настроеніе, выразившееся въ предисловіи къ книгѣ и въ ней самой, черты внѣшняго и внутренняго отличія этого изданія отъ ранѣе изданнаго (1869 г.) греческаго Синаксаря житій Никодима Святогорца (отсутствіе указателя, ученаго аппарата, неисправность корректуры и языка; присутствіе за то поученій новѣйшихъ ораторовъ), проф. А. И. Кирпичниковъ указалъ, что, при ближайшемъ ознакомленіи съ Великимъ Синаксаремъ, въ немъ оказывается много данныхъ для археологіи, исторіи, исторической этнографіи Византіи и новой Греціи. Такъ, житія, содержащіяся въ немъ, заключаютъ данныя для иконописи и художественной древности; таково описаніе наружности святыхъ, иногда съ простонародными выраженіями; мы узнаемъ о формѣ и архитектурѣ церквей, формѣ крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ, о созданіи большихъ мозаическихъ иконъ въ церквахъ еще въ XII — XIII вѣкахъ. Есть много данныхъ легендарныхъ, важныхъ для исторіи легендарныхъ мотивовъ (напр. въ жизни Арсенія Великаго извѣстное литургическое видѣніе изложено болѣе подробно, чѣмъ обыкновенно); есть данныя бытовья (напр. о погребальныхъ обрядахъ, о существованіи идоловъ Судьбы, τῆς τύχης); есть данныя для исторіи византійской поэзіи и образованности, о школахъ, объ отношеніяхъ къ учителямъ. Эти свѣдѣнія въ самыхъ житіяхъ, въ видѣніяхъ, въ похвальныхъ словахъ, въ ком-

ментаріяхъ, какъ ни плохо они составлены. Есть факты не безынтересные для русской исторіи: напримѣръ, въ числѣ святыхъ празднуется память Іоанна, русскаго, плѣннаго при Петрѣ Великомъ турками и скончавшагося въ 40 годахъ XVIII вѣка (рядъ его чудесъ доведенъ до 1774 г.). Важный отдѣлъ житія новомучениковъ, т. е. христіанъ, пострадавшихъ, уже въ новое время, отъ турокъ; эти житія мало шаблонны, изложены живо и правдиво; они важны въ бытовомъ отношеніи; референтъ изложилъ данныя о жизни и смерти восьми изъ такихъ новомучениковъ (скончавшихся въ промежутокъ времени отъ 1683 до 1802 г.): Павла Русскаго, Димитрія Филадельфійскаго, Іоанна Солунскаго и др. Далѣе, отмѣчена любовь составителя разбираемаго сборника житій къ легендѣ, обиліе апокрифическихъ мотивовъ (составитель даже заказывалъ переводы апокрифовъ съ латинскаго), мотивовъ демонологическихъ, притомъ въ ихъ народной, архаичной формѣ. Въ заключеніе референтъ высказалъ пожеланіе, чтобы Синаксарь сдѣлался предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Е. Р.

Ученая поѣздка на Синай въ 1902 году.

Въ началѣ апрѣля 1902 года профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Я. Марръ, приватъ-доцентъ того же университета А. А. Васильевъ и магистрантъ (теперь приватъ-доцентъ) князь И. А. Джаваховъ были отправлены въ синайскій монастырь св. Екатерины для изученія находящихся въ монастырской библиотекѣ рукописей. Экспедиція, выѣхавъ изъ Петербурга 3-го апрѣля, прибыла благополучно на мѣсто назначенія 30-го апрѣля. Н. Я. Марръ и И. А. Джаваховъ посвятили большую часть времени подробному описанію коллекціи грузинскихъ рукописей; кромѣ того, Н. Я. Марръ занимался изученіемъ многихъ сирійскихъ, арабскихъ и армянскихъ рукописей. Главною цѣлью А. А. Васильева было изученіе двухъ рукописей арабскаго христіанскаго историка X вѣка, Агапія, епископа манбиджскаго, а также греческихъ рукописей, содержащихъ преимущественно житія Святыхъ. Въ началѣ іюля А. А. Васильевъ, а въ концѣ того же мѣсяца Н. Я. Марръ и И. А. Джаваховъ покинули Синай. Н. Я. Марръ послѣ этого продолжалъ свои занятія надъ восточными рукописями въ Іерусалимѣ, откуда онъ и вернулся въ С.-Петербургъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ученые результаты этой поѣздки подготовляются ея участниками къ изданію.

А. Васильевъ.

Результаты экскурсіи французскихъ ученыхъ Chesnay и Perdrizet въ Македонію.

Еще въ 1901 году французскому ученому М. Chesnay было предложено Liard'омъ совершить научную экскурсію въ Македонію, при чемъ инициатива этой крайне важной поѣздки принадлежитъ генералу Де-